
НАСЛЕДСТВО
ПЛОТИ
Артём Вишневецкий

Артём Вишневецкий

Наследство плоти

«Автор»
2026

Вишневецкий А.

Наследство плоти / А. Вишневецкий — «Автор», 2026

Тело — не храм. Тело — братская могила. Лео — живое доказательство. Каждый шов на его коже, каждый пересаженный орган хранит не только чужую плоть, но и эхо чужой жизни: панику утопленницы, ярость преданного солдата, холодный расчёт сломленного аналитика. В мире корпорации «Вита Нова», где биологическую жизнь считают браком, подлежащим исправлению, он не человек. Он — ходячий архив боли. Чтобы остановить создавшую его систему, ему придётся принести в жертву не себя. А последних свидетелей — призраков, вшитых в его собственную плоть. Интеллектуальный хоррор о памяти, наследстве и цене милосердия в мире, который забыл, что это такое.

© Вишневецкий А., 2026
© Автор, 2026

Артём Вишневецкий
Наследство плоти

Наследство плоти ПРОЛОГ: ХОРИСТ

Иногда мне кажется, что я слышу их.

Не голоса. Это не слова и не звуки. Это что-то более глубокое, архаичное, что пульсирует в такт сердцебиению. Вспышка слепого, животного ужаса, когда я прохожу по мосту. Внезапная, удушающая тоска при виде определённого оттенка закатного неба. Мгновенная, обжигающая ярость, когда кто-то случайно задевает меня в толпе. Она поднимается из глубины клеток, как прилив адреналина, не принадлежащий мне.

Чужие эмоции. Призрачные чувства. Эхо в собственном черепе.

Доктор Элис Ренвик, архитектор моего возрождения, называет это «фантомным лимбическим синдромом». «Побочный эффект переноса, Лео, — говорила она, её голос был холодным и гладким, как сталь скальпеля. — Нейронные пути, синапсы, гормональные отклики — всё это имеет генетический фундамент. Твоё новое тело… оно безупречно. Но оно не было чистой доской. Просто дай себе время адаптироваться».

Адаптироваться. Как будто я — программное обеспечение, которое мигрирует на новое, более совершенное железо, и старые драйверы конфликтуют с обновлённой операционной системой.

Мне было сорок семь, когда моё старое тело, изношенное годами и подкравшимся коварным раком, окончательно сдалось. Я не просто болел; я разлагался. Я чувствовал, как плоть становится чужой, предательской, пахнущей сыростью и тлением. Смерть была не концепцией, а физической реальностью, которая пульсировала в каждой клетке.

Затем — «Соматический Перенос». Корпорация «Вита Нова». Их слоган до сих пор выжжен в моей памяти: «Смерть — это болезнь. А мы — лекарство». Они не лечили мою старость. Они просто… подарили мне выходной билет. Перенос нейронного паттерна, «карты сознания», в выращенный в биореакторе сосуд — молодой, здоровый, лишённый изъянов на генетическом уровне. Бессмертие, заключённое в плоти.

Я помню первый взгляд в зеркало после процедуры. Двадцать лет на вид. Мускулы, о которых я в юности только мечтал. Кожа, лишённая шрамов прожитой жизни, идеальная, как пластик. Я должен был ликовать. Я пытался. Но в глубине этих новых, ясных, бездонных глаз таилось что-то чужое. Не диссонанс. Присутствие. Тихий, многоголосый шёпот в тишине моего разума.

Я был слеп и глуп.

Первым был страх высоты. У меня его никогда не было. Я забирался на скалы, прыгал с парашютом. А тут, спустя месяц в новом теле, я подошёл к балкону своей квартиры на тридцать пятом этаже, и меня охватила такая паника, что я отпрянул, сердце колотилось, выскакивая из новой, сильной груди. Во рту был медный привкус чужого адреналина.

Потом пришла тоска по дому. Но не по моей квартире. Я видел во снах деревянный дом у озера, скрип конкретной ступеньки на крыльце, запах мокрой сосновой коры. Я просыпался с щемящей болью в груди и слезами на глазах, которые не были моими. Я никогда там не был.

А вчера… Вчера случилось нечто иное. Я готовил ужин, резал овощи. Рука привычно двигалась. И вдруг — моё тело совершило резкий, отточенный бросок. Лезвие ножа с глухим стуком вонзилось в разделочную доску, расщепив её надвое. Это было не случайное движение. Это был удар. Точный, смертельный, отработанный тысячи раз. В моём уме на долю секунды вспыхнул образ: незнакомое лицо, искажённое ненавистью, и чувство… чувство холодного, безразличного удовлетворения.

Я отдернул руку, как от огня. Сердце бешено колотилось, но не от моего страха. От чужого, насильно впрыснутого в меня возбуждения.

И тогда до меня дошло. Мне продали не просто новое тело. Мне продали подержанный сосуд, в котором навсегда остались квантовые отпечатки предыдущих «арендаторов» — их инстинкты, их фобии, их непрожитая боль. Их неупокоенные души, вплетённые в саму спираль ДНК.

«Сознание неотделимо от плоти», — прошептал я в тишину своей стерильной, технологичной квартиры, и осознал весь кошмар этой простой истины.

Я не стал бессмертным. Я стал хористом. Я пою в хоре мёртвых душ, чьи партии навсегда вписаны в мои гены. И с каждым днём мой собственный, тихий, единственный голос становится всё тише и тише.

Они не ушли. Они здесь, внутри. И я начинаю слышать не только их чувства.

Я начинаю слышать их мысли. И одна из них сейчас звучит настойчивее других: «Выпусти нас».

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ФАНТОМНЫЙ ЗУД

Они хотели, чтобы я вёл дневник. «Это поможет интеграции, Лео, — убеждала Ренвик на очередном сеансе, её пальцы бесшумно летали над голографическим планшетом. — Фиксируйте свои ощущения. Отслеживайте прогресс».

Прогресс. Я смотрел на идеальный, лишённый пор каллиграфический контур своих новых пальцев, сжимавших ручку. Раньше на среднем пальце правой руки был шрам от пореза, полученного в двенадцать лет, когда я пытался вырезать лодку из куска мыла. Теперь его не было. Рука была чужой, исполняющей команды моего мозга. Но чья мышечная память заставила её держать ручку именно так, с лёгким, изящным наклоном?

Дата: 15.10.2047 Время: 08:17 Состояние: Фантомный зуд.

Сегодня утром проснулся от нестерпимого зуда на левой щиколотке. Чесал до красноты, до боли. Но зуд был не на коже. Он был под ней. Глубоко, в кости. Ощущение, будто что-то ползёт по берцовой кости, пытаясь выбраться наружу. Вспомнил, как в детстве читал про фантомные боли у людей с ампутированными конечностями. Мой мозг, мой старый мозг, отказывается принимать, что у него больше нет того тела. А это новое тело отказывается забыть, что у него когда-то были другие хозяева.

Я откинул ручку. «Чужой зуд в собственной ноге». Звучало как безумие. Так оно и было.

Мой день был расписан по минутам, как предписывала программа реабилитации «Вита Новы». Медитация, сбалансированное питание, легкие физические нагрузки. Всё для того, чтобы «Я» прижилось в новом «вместилище». Они никогда не называли это «телом». Только «вместилищем», «сосудом», «биологическим интерфейсом». Словно я был духом, вселённым в куклу.

В 10:00 у меня была назначена «социальная интеграция» — прогулка в центральном парке. Выйти в мир, быть среди людей. Я ненавидел эти прогулки. Раньше я любил наблюдать за людьми. Теперь я боялся их. Вернее, боялся своей реакции на них.

Парк был полон жизни. Дети бегали, влюблённые пары держались за руки, старики кормили голубей. И над всем этим — навязчивый, сладковатый запах цветущей сакуры. Цветы. У меня никогда не было аллергии.

Но сегодня, сделав первый вдох, я почувствовал, как мои новые лёгкие спазмируются. Горло сжалось. Из глаз потекли слёзы. Это был не просто дискомфорт. Это была паника. Древняя, иррациональная, записанная в генах кого-то другого. Чей-то предок когда-то подавился пыльцой и умер, и этот страх намертво впечатался в его ДНК, а теперь достался мне в нагрузку.

Я зажмурился, пытаясь отдышаться, и в этот момент это случилось.

Вспышка.

Не эмоция. Не чувство. Чистейший, нефильтрованный образ. Яркий, как вспышка фотоаппарата.

Качели. Старые, деревянные, краска облупилась. Девочка в жёлтом платье, не больше пяти лет. Она смеётся, и её смех — это самый прекрасный звук на свете. Солнце. Тёплое, ласковое. И всепоглощающее, абсолютное чувство… защищённости. Любви. Отцовской любви.

Обзор сузился до туннеля. Шум в ушах нарастал, заглушая звуки парка. Я стоял, опираясь о скамейку, пытаясь удержаться в реальности. Образ был настолько ясным, настолько реальным, что физически заболело сердце. Не чужое, а моё собственное, сжавшееся от щемящей, украденной нежности.

Когда видение отпустило, я, тяжело дыша, осмотрелся. И увидел её. Напротив, на другой аллее, шла женщина. Она вела за ручку маленькую девочку. Девочка была в жёлтом платье.

Ледяная волна прокатилась по моему позвоночнику. Совпадение? Случайность? Или мой мозг, получив обрывок чужой памяти, достроил картинку из окружающего мира?

Я неосознанно сделал шаг в их сторону. Моя нога, та самая, что ещё утром чесалась от фантомного зуда, двинулась сама, повинуясь импульсу, которого я не отдавал. Желание подойти, заговорить, увидеть её лицо было почти непреодолимым.

И тут же, следом, накатила вторая волна. Горячая, едкая, как желудочный сок. Ревность. Глубокая, иррациональная, бессильная ревность. Кто-то внутри меня смотрел на эту сцену и сходил с ума от боли.

Я развернулся и почти побежал прочь, оставив позади призрак чужого счастья и чужой боли.

Вернувшись в квартиру, я захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, пытаясь унять дрожь. Стерильный, кондиционированный воздух пах… ничем. Здесь не пахло жизнью. Здесь пахло вечностью. Одиночеством.

Я подошёл к зеркалу в прихожей. В него смотрел всё тот же юноша с идеальными чертами лица. Но сейчас в его глазах — в моих глазах — читалось нечто новое. Не просто растерянность. Настоящий, животный ужас дикого зверя, пойманного в капкан собственного тела.

Я поднёс руку к стеклу, касаясь отражения. Холодная поверхность.

А внутри горело. Горели обломки чужих жизней.

Я медленно провёл пальцем по своему идеальному лицу и прошептал единственную фразу, которая вертелась в голове с того момента в парке. Фразу, которая принадлежала не мне.

— Прости, папа. Я не хотела падать.

Я отшатнулся от зеркала. Голос, прозвучавший в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.